

И так обязательно будет. Именно поэтому и для этого мы собрались на V Проскуринских чтениях в Хабаровске. И пусть те, кого бог наградил литературным, режиссёрским и прочими творческими талантами, смелее состязаются в создании образцов культуры, посвящённых дальневосточной тематике и характерам, вырабатывают свои неповторимые дальневосточные стили и подходы к решению общенациональных творческих проблем. А мы в центре изо всех сил постараемся, чтобы ваше творчество быстрее становилось достоянием всей России, чтобы «дальневосточный взгляд» всё более отчётливо влиял на формирование общенациональной стратегии.

Именно об этом всегда мечтал мой отец, Пётр Проскурин.

В. И. Журавская

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ТВОРЧЕСТВЕ П. Л. ПРОСКУРИНА

Одной из проблем, которые волновали и, очевидно, будут волновать человечество на протяжении всех веков его существования, является проблема взаимоотношений человека и природы. О том, что они связаны неразрывными нитями, писали и говорили в прошлом веке все наши классики и философы.

Тема взаимоотношений между человеком и природой находит своё отражение в творчестве многих прозаиков: Чингиза Айтматова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Константина Паустовского и других. Не исключением стал и советский русский писатель Пётр Лукич Проскурин. В его произведениях природа занимает особое место. Она для него — не застывший пейзажный фон. Природа горячо реагирует на судьбы людей, события истории. Она тоже один из любимых героев писателя.

В автобиографической книге «Порог любви» он пишет: *«Самые ранние, а может, первые впечатления детства — неохватный разлив весенних и летних полей, цветущие, в высоких травах луга, ручей; за ним вставал сухой, звонкий лес»*. И далее, вспоминая детские годы, писатель неизменно отмечал свою слитность с родной природой, *«когда, опрокинувшись на спину, прижавшись к сухой земле, набравшей к осени много*

знойного, летнего тепла, долго-долго смотришь в синее небо с высокими и редкими, кипенной белизны облаками, и они начинают неуловимо кружиться в небе. Это, возможно, и от знакомых и все-таки каждый раз новых, привольно раскинувшихся окрестностей, от той вечной тайны, что окутала их мгlistой, на погоду, сентябрьской дымкой... На юг — широченная заливная пойма, версты на три-четыре окаймленная по горизонту белыми меловыми холмами; после снежных зим она покрывается водой; Спасский монастырь, окруженный высокой, характерной, похожей на кремлевскую, стеной, словно бы случайно брошен и забыт среди этих удивительных раздолий, а к югу — через глубокую, широкую и почти отвесную промоину в земле — основной город, с его церквями, соборами и монастырями».

На формирование творческого лица П. Л. Проскурина во многом повлияли годы его работы на самом «краю земли», на Камчатке и Дальнем Востоке, куда он уехал по вербовке после службы в армии. Впоследствии он вспоминал: «Трудно сказать, состоялся бы я как писатель, если бы не эти годы на Камчатке. Впечатления эти отложились в глубинах сердца и памяти, затем обрели конкретные формы».

В разных районах, от Камчатки до Хабаровского края, он и проработал три с половиной года лесорубом, сплавщиком леса, шофёром, плотником. Пылкое юношеское воображение, искавшее жизненной опоры в своём «полёте», пробуждающийся талант художника неожиданно обрели в Камчатке, в сопках Приамурья, в порожистых реках, близком океане, нелёгком, граничащем с подвигом труде рабочих желанную фактуру, достоверный фон.

«Как-то мы остановились на ночь у невысокой безымянной сопки, и, пока суть да дело, четверо из нас решили взобраться наверх, посмотреть. Таких звучных красок, как в тот раз, я уже больше не встречал. В той стороне, где стояла вечерняя заря, дымил вулкан, и дым его тяжелой, расплавленной тучей стоял неподвижно, он-то и придавал всем другим краскам особое свечение, и все было настолько прозрачно, что угадывались и казались издали необычайно хрупкими небольшие изломы сопки. Представляете, тончайший малиновый, розовый, лимонный, темно-красный цвета и черные снизу, четкие громады сопки со всех сторон. И тишина, совершенно фантастическая тишина. Того и гляди появится какое-нибудь сказочное, неземное совершенно существо» («Страницы автобиографии»).

Простор внешний, простор, так сказать, «пространственный» — одно из неизменных условий жизнедеятельности проскуринских героев, вообще условие движения их мысли. Пётр Проскурин — создатель романов большого размаха.

В творчестве нашего земляка мы можем найти немало проникновенных строк о природе как родного края, так и тех мест, где ему пришлось побывать. Но он никогда не изображает природу саму по себе — его всегда интересует сложное взаимодействие человека и природы, их противостояние и соединение.

Будущий автор «Судьбы», мастер многопланового сюжетного повествования, сталкивающий героев с непознанными ещё силами в мире, в собственном существе, угадывается и в первом романе. Произведение начинается с внезапного вторжения бури, грозы невиданной силы в тихий летний сон городка. Это начало станет излюбленным, и «Судьба» откроется, как прологом, обещанием множества бурь, яркой картиной грозы. В «Глубоких ранах» внезапность «набега» грозы смягчена, правда, отчасти. Писатель уловил в природе состояние, которое он определяет как «томление». Это относится и к природе, и к человеческой душе: *«Ветер стих. Почти осязаемое томление наполнило воздух. Смутное беспокойство чувствовалось во всем: и в необычно оживленном поведении детей, и в безветренной тишине воздуха, и в тяжеловато-жарком сиянии солнца».*

А далее — гроза, одна из множества гроз в романах писателя! Гроза, подлинная вселенская катастрофа, развяжет многие сюжетные узелки в романе «Корни обнажаются в бурю», в повести «Тихий, тихий звон». С картины грозы, с изображения мук безвестной крестьянки, разрешающейся от бремени в грозовую ночь в тёмном лесу, начинается «Судьба». Среди той суммы приёмов письма, которую накопил Пётр Проскурин, искусство создания таких картин, когда герои ощущают присутствие в мире чего-то не покорённого ими, совсем не «прирученного», одно из заметных «слагаемых». И нельзя не запомнить многие проскуринские «грозы», «бури», подлинные драмы в мире природы! Гроза в романе «Глубокие раны» одухотворённая, кажущаяся сплошным «диалогом» с человечеством. Она полна угроз, предупреждений: *«Туча раскололась, сверху донизу пробежала извилисто-огненная трещина, и первый раскат грома с шипением и грохотом рухнул на город. Земля негодующе вздрогнула... На ошеломленный город обрушились потоки воды; не*

успевая уходить через канализационные решетки, взлохмаченная и стремительная, вода заливала улицы во всю их ширину. Свинцовой грудью небо навалилось на город; будто сказочный великан сек эту грудью огненной плетью, сек яростно и беспощадно. Потоки воды, нащупав в теле земли слабые места, начали разрушительную работу. За час образовались овраги, которые останутся на десятилетия».

Пётр Проскурин, не упуская из виду частностей индивидуального поведения, постоянно обращает внимание на новые моменты в жизни народного сознания. Страна, как океан в бурю, меняла своё лицо, но сколько оттенков имели эти перемены! *«Могучей рекой в половодье жизнь вышла из своих обычных берегов. Закружились страшные водовороты, втягивая в пучину войны с каждой новой минутой десятки, сотни и тысячи людей».*

Вероятно, в творчестве каждого художника можно отыскать мгновения особых, возвышенных радостей, когда праздное созерцание «текущей», как говорят, жизни сменяется чем-то похожим на прозрение. Были такие мгновения и у Петра Проскурина на Камчатке, Дальнем Востоке. Только связаны они были не со звёздной книгой и отнюдь не с магическим состоянием духа, а с простейшим, на первый взгляд, созерцанием хода кеты на нерест.

«Рыбы с загнувшимися челюстями, горбатые, с обтрепанными хвостами, рыли ямки с необычным упорством и терпением. Они шевелили песок и гальку носами, помогали себе плавниками, извивались из последних сил всем телом, колотили о дно хвостом, ложились на бок и бились о дно всем телом, и опять начинали раздвигать песок и гальку все в одном и том же месте носом. И когда все было готово, в углубление на дне откладывалась розоватым бисером икра, вспыхивало облачко молока, и рыбы начинали теперь уже нагребать на оплодотворенную икру песок и гальку... обессиленные, еле шевеля плавниками и хвостом, они становились на караул, каждая у своего бугорка; они неумолимо засыпали, уходили из жизни, но до самого последнего конца продолжали держаться у гнезда своего будущего потомства».

Великие пути проходятся иногда малыми и неспешными шажками... Эти камчатские рыбы, создания более чем смертные, предельно уязвимые, сохраняют своё существование не тем, что пребывают в застылом, неизменном состоянии, а тем, что всё стареющее в их среде оставляет после себя другое, юное и подобное себе.

Такие впечатления — а их было немало — не оставались бесследными. Они определили повышенный интерес Петра Проскурина к движущим силам множества явлений, смысла жизни, логики поведения различных людей. Человек — часть природы, и одновременно он — существо историческое, сформированное воздействиями, которых, конечно, не знают эти косяки рыб, стаи птиц... Но почему, почему, словно пробуждая самую древнюю память, так воздействуют на человека и трагически напряжённая борьба за потомство кеты в камчатской речке, и крик отлетающих журавлей? Воздействуют как зов вершин, недостижимых и манящих?

Глядя на клин улетающих журавлей, Пётр Проскурин вновь, как и в час нереста кеты, ощутил присутствие в жизни закономерностей, из которых люди как будто напрочь выпали, но которые всё же не вполне забыли, порой даже смутно припоминают: *«Скоро они снимутся по тяжкому, неслышному зову, взлетят, и их уже нельзя будет остановить, будут по мути гибнуть, обессилевшие, и будет идти все тот же круговорот древних законов и движение земли и воды, и воздушные потоки будут упруго обтекать стремительные тела птиц; они пролетят над границами и постами и будут свято блюсти раз и навсегда установленные пути, и люди будут прислушиваться к ним, с непонятной грустью провожать их глазами. Неосознанные и тревожные, в их крови тоже проснутся, прозвучат голоса давно ушедших поколений».*

В 1960-е годы ещё не звучала столь остро тревога по поводу необратимых дисгармоний в отношении человечества и природы. И проблемы экологии не были на устах у всех. Вопрос о том, что мы оставляем потомству полуразорённый климат планеты, оставляем всю её, к тому же сплошь заминированную, в состоянии затяжного недуга, так остро, как сейчас, не стоял. Но Север, где как-то очевиднее, нагляднее были мудрые законы равновесия утрат и возобновлений, уже ставил перед совестью и нравственным чувством писателя вопрос: как же человеку «вписаться» в этот жизнеоборот, не выскакивать из той экологической ниши, которая отведена ему весьма терпимой и щедрой природой? Ведь она, эта ниша, просторна и без расширения её за счёт жизни иных существ.

И первый роман «Глубокие раны», и многие рассказы Пётр Проскурин писал по ночам в тех же бараках, где жили его товарищи по работе... Доносился стук движка, дававшего освещение посёлку лесорубов, в занавешенное и часто заледеневшее окно среди ночи вдруг упирался

плотный пучок света — по улице проходила, пробивая тьму светом фар, грузовая машина. Молодому таланту не нужно было писать в гостиницах, железнодорожных вагонах, кафе, как это делают иные писатели, чтобы не попасть во власть надуманных образов, чтобы, услышав живую реплику, вновь найти правильную меру радости и горя. Власть выдуманных образов, границы путешествий в воспоминаниях корректировались в его сознании уроками самой жизни.

Картины нереста, иногда грубо, варварски нарушенного завалами брёвен на реках, сказочные образы великих кочевий птиц не уходили из памяти. Ведь, выбивая те или иные существа из отведённых им экологических ниш, отнимая у них пути существования, одно ныне живущее поколение людей грабит будущее, разрушает условия существования на земле.

Очень скоро молодому писателю стало ясно, что Север не может уже быть — как это было в рассказе «Цена хлеба» — только фоном для воспоминаний, рассказов о войне. К тому же и люди, окружавшие Проскурина на Севере, были в те годы исключительно интересны. *«Север... особенно богат на всякое человеческое разнообразие, это ведь край неоткрытых богатств, нехоженных троп, историческое средоточие сильных характеров. Многие искали здесь спасения от житейских бед, забвения от истощивших душу неурядиц и неудач, сюда издавна спешили за славой и богатством, несли избыток силы и надежд».*

Роман «Корни обнажаются в бурю» — первое обращение писателя к остродраматическому материалу современности — и стал средоточием множества характеров, ищущих, подобно самому автору, высшего смысла своего существования, жаждущих понимания тех таинственных законов жизни океана, рек.

Значительную часть оценок, суждений о жизни, вообще социально-нравственной проблематики Пётр Проскурин связал с молодым героем романа, вчерашним десятиклассником Сашей Архиповым. Ему предстояло — и это труднее всего — «вписаться» в жизнь взрослых людей, прошедших войну, уразуметь те, ещё скрытые для него, нравственные устои, которые скрепляли народ, делали его сильным и вечным в час катастроф и испытаний. Именно он, ощущая себя посторонним, не приобщённым ни к судьбе народа, ни к жизни природы, и видит вначале экзотическую картину Камчатки, жизнь равнодушной природы, способной, дразня воображение, «красою вечною сиять».

«Краски вечера легли на долину, серый цвет у подножий сопок светлел к вершинам, сменялся веселым ликованием огня, и парившие гейзеры казались затухавшими кострами; ветренное небо раздвигало горизонты, и Александр в этой дикости, какой-то бесстыдной обнаженности невольно чувствовал себя лишним и даже убогим, его подавляли тишина, простор, необычные, почти звучащие контрасты красок...»

Герой Петра Проскурина — Саша Головин, необычайно остро ощущает нравственные обязательства человека перед природой, долг перед теми же лесами. Не раз сжимается его сердце в сомнениях: а не жертвуем ли мы слишком многим ради краткой, однообразной выгоды? Выросло поколение, которое находится в поиске не просто высокого заработка, а одновременно и сохранения природы, уверенности, что вечными будут её красота и богатство.

Он упорно ищет новую формулу, выражающую смысл его труда и жизни, формулу, далёкую и от волевого «покорения» природы, и от пассивных воздыханий по поводу её оскудения. Но многим даже эта скромная мечта кажется всего лишь абстракцией, отрывом от жизни!

Головин тоже гонец из будущего. Он часто говорит на сложном языке научного прогноза: *«Как можно не понимать теперь, что лес — это влажный устойчивый климат... плодородие почв, неиссякаемость рек, здоровье и настоящих, и будущих поколений? Ведь деревце, посаженное или сохраненное отцом, — лучший подарок сыну, живой и вечный друг»*. Роман «Корни обнажаются в бурю» — преддверие новых открытий писателя.

Следует сказать, что начало 1960-х годов, когда 32-летний Пётр Проскурин уже учился в Москве на Высших литературных курсах, был для него периодом упорного самообразования. В это время большой импульс получила деревенская проза, зазвучали впервые мотивы «последнего поклона» уходящей деревне, «последнего срока» её жизни.

Судьба земли, судьба народа — это в некотором смысле пространственно-временная непрерывность, сложное течение энергий, идей. В ней нет пространств или отрезков времени, «замкнутых» от будущего или прошлого. И сейчас, как никогда остро, человечество нуждается в людях, освободивших себя от узости, одномерности взглядов, способных жить и мыслить на уровне судеб народных, тревожиться о красоте времён грядущих.

Не отвергая саму идею самопожертвования, приближения будущего всеми силами личности и народа, нельзя превращать в закономерность, в привычку нравы, при которых именно гибелью красоты, жертвами со стороны природы достигается важная цель. Жертва, гибель прекрасного не могут стать привычными, не могут гармонично вливаться в течение народной жизни. И тем более они не могут быть каждый раз «палочкой-выручалочкой» безответственного, неразумного хозяйственника. К трагедии не привыкают, это «горячее» средство истории, а постоянное принесение в жертву, вошедшее в привычку, — это свидетельство слабости человечества, симптом «воспалительного» процесса, изнуряющего его.

Следующая книга — «Горькие травы» — сложный по эмоциональному строю, по «перевитости» трагических и оптимистических тем, мелодий, событий войны, подвигов и страданий роман. «Эхо войны» по-разному врывается в душевный мир многих героев, само послевоенное время изображено Петром Проскуриным во всей его переломности. В характерах героев, образованных, как алмаз, сильнейшими «сжатиями», ударами горных пород, совмещено множество разноплановых ощущений.

Особенно трудными были в этом плане первые послевоенные весна и лето. Вся страна переживала действительно мучительно-тревожное состояние. Глубокий вздох облегчения в час Победы — победили, выстояли. Спадает то напряжение, оцепенение тревоги, в котором годами жили, не замечая ран, боли. И теперь эти раны резко напомнили о себе.

Стихийная работа людской доброты и чуткости, врачующей все горести, сознательное творчество жизни, протекающей на уровне инстинкта — заботы матерей о детях-калеках, похожи в известном смысле на труд природы, тоже «заглаживающей» раны полей, лесов, по которым прошла страшная колесница войны. И нельзя сетовать на то, что равнодушная природа не разделяет с людьми кое-каких заблуждений, жестокостей, продолжая беспечно «красою вечною сиять». *«Отшумели бои, и вот уже ожило израненное дерево, травка выросла на выброшенной взрывом земле, исчезли оцепенелость и испуг аиста, кружившего над незнакомым ему пепелищем, и он вновь свил гнездо»* («Горькие травы»).

Пётр Проскурин с глубоким уважением воспроизводит все мельчайшие микродвижения в глубинах народной жизни, он любит весь процесс возрождения и самоспасения деревни, вереницу дел по велению инстинктов, самых древних, изначальных.

В «Горьких травах» писатель решительно и с глубокой убеждённо-стью утверждает мысль о том, что надо жить не над землёй, не над народом, а идти «путём зерна», умирая и возрождаясь в ней, что земля учит человека величию.

В произведениях Петра Проскурина тесным образом переплетаются состояние человека и картины природы. Все тяжести, страдания героя помогает преодолеть гармония с природой. Человек должен возвращаться к своим истокам, что бы ни произошло в его судьбе.

В романе «Исход» весенний «зелёный шум», треск почек, трепет первых листочков оживают в памяти Скворцова в фашистском застенке, после страшных избиений. Герой вначале с трудом заставляет себя просто вспомнить о том, что «в лесу сейчас зелено-зелено». Затем, уже не насильственно, он «жил в зелёном дыму», и это ему помогало. *«Я сошел с ума, — говорил он себе иногда, вслушиваясь в зеленый шорох листьев — но ничего, пока со мной лес, ничего»*. Зов леса — зов вершин будущей жизни народа, не подвластной врагу. Природа спасает человека даже в страшные годы войны.

Анализ произведений П. Л. Проскурина подтверждает тот факт, что писателя интересует природа не сама по себе, а в тесной связи с человеком.

Так, в повести «Тихий, тихий звон» Сергей Тюрин видит нерестилище кеты, сокровенное место, где также зарождается жизнь, и впервые обнаруживает там не хаос и бессмысленность, а простой и мудрый порядок, видит стихийное самопожертвование и исполнение долга. *«Что и как бы я ни подумал об этих рыбах, им наплевать, они выполнили свое, раз и навсегда им заказаны свои пути, и они никогда не свернут с них, сколько угодно можно иронизировать, ничто не изменится в этой не зависимой ни от кого жизни. Наконец, я отрываю глаза от воды и как-то сразу понимаю, что никуда не уйду от этой реки с таким звучным названием Игрень, не смогу уйти»*, — этим наивным, но чистым нравственным обязательством, данным самому себе, начинает утро своей зрелости герой Петра Проскурина.

Этот вывод, освещающий жизнь молодого героя, словно искра от высокого костра. Он будет даже спорить с другими, входить в сложные отношения с людьми, созидая себя и свою судьбу, но это будет уже жизнь, а не скольжение по ней.

Нравственный фундамент личности интересует Петра Проскурина во всех спорах, стычках героев. Но он, этот фундамент, «нулевой цикл»,

скрыт часто и здесь. Современный художник испытывает особые трудности, обращаясь ко множеству героев, ведущих напряжённую борьбу в суровых условиях Севера, на стыке двух стихий: ещё неосвоенной, необжитой природы и «второй природы», в виде могучих машин, агрегатов, средств связи, созданных всецело человеком.

Так, в повести «Тайга», написанной на материале камчатских впечатлений, Пётр Проскурин исследует необычный конфликт двух новоявленных северян, пришельцев, доходящий в кульминационный момент борьбы чуть ли не до прямого поединка, до схватки силы с силой: молодого рабочего Ивана Рогачёва и бухгалтера Горяева.

«Все началось с того, что в диких, малоисследованных Медвежьих сопках исчез почтовый самолет с трехмесячной зарплатой рабочих лесспромхозов, звероводческих совхозов... и весть эта быстро распространилась по всей округе на сотни километров. Горный массив, захвативший сотни безлюдных квадратных километров, дикие, неприступные скалистые ущелья, распадки и склоны; тайга, заваленная вековым буреломом, метровыми снегами удивительной голубоватой чистоты, бездонные провалы, скрытые под той же слепящей и, казалось бы, совершенно безопасной белизной, в которой каждая черточка осыпавшейся хвои слепит и радует — все-таки что-то живое, понятное, просто земное, тогда как эта сверхъестественная белизна была откуда-то из-за той грани, которую никогда не переступает живой человек, и живой зверь, и даже живая трава».

В «Тайге» просматривается актуальная во все времена идея превосходства добра над злом, света над тьмой. Захватывающая тайна, неоднозначность фактов и парадоксальность ощущений были гениально вплетены в эту историю. Умелое и красочное иллюстрирование природы, мест событий часто завораживает своей непередаваемой красотой и очарованием.

«Рогачев глубоко и растроганно вздохнул и, свернув с дороги, приладил лыжи, перед ним стояла снежная тайга, без конца и края, начинался звонкий от мороза февральский день, и солнце косо скользило по верхушкам самых высоких деревьев; Рогачев шел легко и свободно, плотно слежавшийся к концу зимы снег хорошо держал его и лишь изредка проседал под лыжней; все мысли отошли от него, и он весь отдался свободному непрерывному движению, белой, оглушительной тишине; по-прежнему не было ни малейшего шевеления воздуха, и старые, высокие ели стояли

часто, голые в полствола, почти совершенно закрывая небо. Часа через два он минул эту полосу, и начался лиственный лес, теперь уже с елями попеременно, и сразу стал чувствоваться некрутой, непрерывный подъем, и небо посветлело и раздвинулось, голубое молодое сияние ударило в глаза, такое небо всегда бывает в конце февраля. Вскоре и ветер потянул со стороны сопки, безмолвно поднявших свои острые вершины, сиявшие впереди нестерпимой белизной».

Обратите внимание, как процессы, происходящие в природе, переключаются с ощущениями главного героя: *«Мороз к вечеру усилился, и встречный ветер жег, сопки на западе, охваченные предзакатным огнем, горели в таком ожесточенном холоде, что Рогачев нет-нет да и поглядывал на них украдкой, чем-то смутно встревоженный».*

Или вот это виртуозное описание женщины, отражающее её внутреннюю природную самость: *«Хозяйка, в летах, крепкая, она напомнила Рогачеву кряжистую здоровую березу ранней осенью, когда листья на ней все еще целы и еще все зеленые, даже темноватые кое-где от избытка сил, только вот именно этот оттенок избытка и наводит на грустные мысли о зиме».*

Повесть написана настолько увлекательно и живо, что все картины запоминаются надолго и, даже спустя довольно длительное время, ментально вспоминаются. На развязку возложена огромная миссия, и она не разочаровывает, а, наоборот, даёт возможность для дальнейших размышлений.

«Тайга» выступила своеобразным катализатором творчества Проскурина в его работе над большим романом «Судьба», ставшим началом трилогии. В книге «Порог любви» автор рассказывает: *«За месяц я написал повесть «Тайга» о пропавших в сопках миллионах; когда поставил последнюю точку в повести, сразу пришло и завершение «Судьбы»; многие узлы и ситуации романа стали на свои места естественно и просто, и я только недоумевал, как этого не видел раньше».*

Бесспорно, многие писатели — и Пётр Проскурин в «Судьбе» (1973) — ещё не ставили прямо вопроса об экологизации человеческих потребностей, экологизации массового сознания, как говорят философы, — это потребовало бы от них решительного раздвижения рамок повествования. Приучать человечество к отказу от целого ряда «излишних» потребностей, к моральному отношению к природе как всеобщему и уже ограниченному достоянию — задача слишком трудная для романа

о деревне. Но часть её этот роман, безусловно, взял на себя. И его популярность в известной мере была связана в том числе и с богатством зримых, чрезвычайно живописных подробностей жизни героев, поглощённых природой, землёй.

Что касается романа «Имя твоё» (1977), то он буквально пронизан мыслью о гармонии человека и природы. Пётр Проскурин — вдохновенный певец русской природы, русской земли, которую он как бы одушевляет, изображает её символом народной жизнестойкости, красоты и мудрости. Неслучайно роман открывается ярким пейзажем, в котором чувствуется что-то сказочное:

«Большая, уходящая к реке поляна была окружена старыми, свесившими ветви до самой земли березами и покрыта крупными лесными ромашками в мелкой алмазной росе; с каким-то боязливым восхищением Аленка осторожно прикоснулась к зеленому, суставчатому стебельку; на нем, слегка пригнувшись, красовался белый, как кипень, глазастый цветок. Со всех сторон слышались птичьи голоса, тиликанье синиц, нежный перезвон жаворонков, звонкоголосые трели иволги и еще какие-то чмокающие звуки...»

В дальнейшем сюжетном развитии этот мотив природы усиливается в тех местах, где звучат образно-характерологические переключки. Остановлюсь на переключке между образами Алёнки и её отца Захара Дерюгина, которые являются важными идейными центрами произведения. Алёнка — «из дерюгинской породы», такая же неистовая, страстная, мятущаяся натура, как Захар. Общность их черт сопровождается и образом-символом природы. Так, в трудный час разрыва с Игорем Хатунцевым перед её мысленным взором встаёт образ леса:

«Аленка снова видела себя в лесу, но теперь не в осеннем, ярком, а в густом, напряженном, налитом угрожающей, темной силой весны, силой предродового томления, и была она в этом лесу как слабый отзвук чего-то ненужного, как мимолетная, ежесекундно исчезающая тень; ей захотелось забиться в густую прохладную траву, в самые корни, и остаться там, может быть, навсегда».

И Захар внутренне столь же тесно связан с природой. Спасаясь от преследования после побега из концлагеря, почти умирающий, он чувствует животворную силу родной земли, которая одна только и могла защитить его от страданий и гибели.

Символ природы связан у Проскурина и с фигурой Брюханова. В

данном случае это тоже образ леса, но в нём для Брюханова заложено нечто таинственное и даже враждебное, ревность к прошлому. *«А если она до сих пор любит того... уже не существующего»,* — думает Брюханов об Алёнке и Алёше Соколыцeve. *«Но он-то до сих пор здесь, в этом лесном сумраке, стоило тебе ступить сюда, в зеленый мрак, и настоящий хозяин тут же отыскался».* *«Он больше не мог оставаться наедине с этим сумраком и с этим третьим и, едва сдерживаясь, чтобы не ускорить шаги, все время чувствовал за спиной тот же долгий, неотпускающий взгляд, как будто им же самим разбуженная душа леса теперь неотступно следила за ним...»*

Образ-символ природы объединяет не только основные сюжетные линии, связанные с судьбами главных героев — Алёнки, Брюханова, Захара Дерюгина, Мани Поливановой, Фёдора Макашина — и других центральных или второстепенных персонажей. Он объединяет два важнейших идейных и сюжетных центра, определяющих проблематику проскуринского романа, его драматизм и актуальность.

Во вторую часть своей трилогии писатель ввёл проблематику, связанную с наукой, научно-техническим прогрессом, освоением космоса и разработкой новых видов оборонного оружия. Эту сферу Проскурин не отрывает от показа широкого, многогранного народного бытия. Он всё время подчёркивает, что никакой, даже самый высокий, уровень развития науки и техники невозможен без коренной, кровной связи с народной почвой, с нелёгким крестьянским трудом. Эту мысль проясняют в романе яркие образы-символы природы. Один из них — изображение на фоне строящегося атомного полигона старого карагача: *«Старый карагач, исхлестанный за долгие десятилетия стремительными, частыми буранами, жадно вытягивающий цепкими корнями скудную влагу на большой глубине, и в эту весну, как обычно к теплу, покрылся мелкими неяркими цветами. Они напоминали густо пробившиеся сквозь золу ползатухшие угли; именно эти угасающие цветы указывали на исполинскую силу выживаемости природы... Он был стар, совершенно голый, без листьев, весь оплетенный вздувшимися древесными венами, он таил в себе какой-то вызов».*

Природа в романе «Имя твоё» не фон, не антураж, а яркий, значимый образ, символ нелёгкой, но такой богатой и бессмертной народной судьбы.

Так, художник Сева Ростовцев, желая сказать о катастрофически

убыстрённом, противоречивом существовании человека в современном мире, говорит о главном для себя в мире так: *«Понимаешь, для меня обыкновенная зеленая ветка важнее, чем все лозунги мира, вместе взятые... она непрерывно обновляется, а лозунги устаревают... И человек чем дальше будет уходить от своей природы, тем нужнее она ему будет, тем упорнее он будет ее искать».*

Роман «Имя твоё» был написан одновременно с появлением повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой» и романа Виктора Астафьева «Царь-рыба», то есть тех произведений, которые выдвинули в определённый момент деревенскую прозу в центр внимания критики. Писатели-деревенщики предстали теперь не как летописцы-историки, а, скорее, как философы жизненного процесса, как гуманисты, озабоченные тем, чтобы вместе со старыми избами, с устаревшей утварью в зону сноса и забвения не попали и прекрасные трудовые и нравственные традиции.

На протяжении многих страниц романа «Имя твоё» речь идёт о покорении космоса, создании советской атомной бомбы. Появляется фигура академика Лапина, соавтора Курчатова, в новой роли выступают и Брюханов, и Чубарев.

Собственно, в романе «Имя твоё» Пётр Проскурин изображает не труд учёных-атомщиков, а особый, через научные лаборатории, путь приближения к тем же духовным первоосновам жизни народа. Если Захар улавливает голос природы, истории в шуме берёз, Алёнка ищет сближения с природой и её «совестью» через купанья, то учёные в «Имени твоём» общаются часто в сновидениях, в воображении своём прямо с творящей силой космоса, вечности.

Пётр Проскурин всё время подчёркивает, что научные открытия, в отличие от откровений леса, рек, полей, истории, агрессивны, непокорны, не «природны». И человеческая мысль всё больше будет нуждаться в помощи самой же, казалось бы, «покорённой» природы. Ведь если конечный пункт намечаем мы, то путь к нему определяет Природа, постепенно отдаляя или приближая этот пункт, незаметно заменяя его новым.

Для Петра Лукича Проскурина природный мир является гарантом нравственности. Следование его законам не даёт человеку «выщербиться» — отказаться от самого себя, предать собственные идеалы, помогает устоять перед соблазнами карьеры и материально обеспеченной

жизни. Для раскрытия внутреннего мира героя, духовно близкого автору, у Проскурина сложились свой принцип повествования, своя манера письма. Наиболее убедительно своеобразие проскуринского стиля можно показать на примере повести «Полуденные сны».

Источником нравственного здоровья для её героев становится «мир первородных вещей», в котором они черпают силы для дальнейшей жизни. Одной из составляющих этого мира является природа, живущая по своим «вечным» и, следовательно, нравственным законам. Может быть, потому, что именно природа в наибольшей степени соответствует понятию «вечность», в ней заключён «глубинный, потаённый, ревниво скрываемый смысл». Проскурин любовно, художественно верно, обстоятельно рисует природу, находит удивительно ёмкие и поэтические способы её изображения. В комнате, где лесник «ладил чай» с мёдом и брусникой, «уютно запахло перезрелым летом», «праздник полнейшей душевной свободы, раскованности и бесстрашия» может подарить человеку общение с природой; «долгий, пересыпчатый, оживлённо-звонкий раскат грома», «грузная, клубящаяся впереди сединой туча» предупреждают о начале грозы. «Река билась в берега, словно стремясь прорваться куда-то в иной путь», «что-то величественное, первобытное присутствовало в медленно текущей ночи» — эти и множество других примеров объясняют, почему в «кипении московских, часто нарочитых страстей» всё чаще и благодарнее вспоминается то чувство «полнейшего растворения в неповторимой гармонии», которое может возникнуть у человека в лесу, на реке, при общении с представителями животного мира, такими как верный пёс Тимошка. Это общение благотворно воздействует на обе стороны: главный герой — талантливый учёный Вася «постоянно присутствовал в мире Тимошки», а от Тимошки на человека шло какое-то особое — «здоровое, ровное тепло», которое успокаивало, расслабляло. Столкнувшись — и не один раз — с нравственными издержками мира людей, Вася признаётся, что в мире Тимошки «жизнь идёт оправданно, целесообразно, без выкрутасов».

В «Полуденных снах» мир человека дан через восприятие его собакой, «добрым, легкомысленным и весёлым существом». Обстоятельное, несуетное повествование, подробное описание деталей жизни создают ощущение единства всех составляющих природного мира, воды и деревьев, чистого воздуха и уходящих в небо скал, куда естественно вписываются и уединённый загородный дом, и запущенный старый сад, и

обитатели этого единого мира — Вася с Татьяной Романовной, Семёновна, дети — Олег и Даша, пёс Тимошка, ёж Мишка, ондатра Чапа. Неслучайно и животные имеют свои имена — они не менее значимы в этом едином мире, пределы которого не ограничены временем и пространством. Чуть не погибнув в горах, Вася утвердился в мысли, что «там» точно существует «кто-то вечный, неназываемый, кто всё про нас знает». И этот «кто-то» в момент нахождения между жизнью и смертью «точно в душу заглянул, наизнанку вывернул», заставил убедиться в неизбежности нравственных ценностей.

Пёс Тимошка — продолжение тех истинных детей природы, образы которых были созданы Толстым, Тургеневым, Куприным, Буниным. Проскурин наделяет одного из «братьев наших меньших» способностью мыслить и сопереживать человеку. Собаке дано чувствовать и понимать то, от чего сознательно отказался человек, и лишь единицы из людского племени, такие как Вася, способны вернуться в лоно естественной жизни.

В повести «Азъ воздам, Господи» Пётр Проскурин вновь поднимает проблемы нравственности. Отмечая её достоинства, нужно сказать и о роли пейзажа. Как природа чувствует и передаёт изменения в жизни? Осенний пейзаж, поздний вечер, ночь. В пейзаже предчувствие какой-то тревоги, беды. Он держит нас всё время в напряжении.

В начале повести перед нами Москва в пору поздней осени: «Над Москвой, бессонной и незащищённой, пластались низкие осенние тучи, высыпая ледяные пронизывающие потоки». Пейзаж помогает почувствовать состояние главного героя: жизнь прожита, его книги когда-то были нужны читателям, он этим гордился. Выходя на балкон, Родион Афанасьевич угадывал в ночном небе громаду храма Христа Спасителя. Этот храм в повести выступает как символ высокой чистоты и нравственности.

В заключение повести опять ночь. И вдруг «тяжёлая пуля, вылетевшая из мрака, тупо ударила его в середину лба... время вспыхнуло, рассыпалось и погасло». Страшный финал! Круг замкнулся. Тулубьев погиб, но он не был сломлен в своём бесконечном жизненном противостоянии.

Критики неоднократно отмечали, что в основе произведений Проскурина лежит слияние личного и надличностного, относительного, реально-бытового и абсолютного. Отчётливо эта особенность проявилась в лаконичных и в то же время глубоко философских повестях писателя,

таких как «В старых ракетах», «Полуденные сны», «Ранние сумерки», «Тихий, тихий звон» и других.

Памяти умершей матери, сельской труженицы Прасковьи Яковлевны, посвящена повесть Проскурина «В старых ракетах». Ситуация, воспроизведённая в ней, вполне типична. Общая тональность произведения — мотив прощания не только с умершим самым близким человеком, но и с целым периодом жизни — детством, юностью, дорогими воспоминаниями. Сюжет перекликается с произведениями В. Распутина о деревне.

Это повесть о том, как уходит человек, уходит навсегда из земного радужного мира. Уходит, чтобы остаться везде — и высоко в небе, и на самом дальнем краю земли. Это повесть о смерти. Но она и о жизни, о бесконечном, вечном беге времени, о беспрерывном обновлении всего живого.

Главный герой Василий, как и многие в подобных обстоятельствах, теряется в суе похорон. Долгой и нелёгкой была для Василия последняя дорога его матери. Мы видим, как он неожиданно для самого себя словно бы начинает раскрываться. Теперь всё обострённее воспринимается Василием мир, окружающий его. Апогея эти метаморфозы достигают на старом сельском кладбище, у той невидимой черты, которая разделяет живых и умерших. *«Василию стало почему-то страшно, и он поднял глаза к вершинам ракет. Эти старые неприхотливые деревья были приятнее старых людей, в них жило что-то чистое и недостижимое. И откровение обожгло душу Василия: пусть иногда жизнь убога и отталкивающая, но вот сейчас, здесь, на тихом клочке земли, в напряженно гудящих ракетах, на этом последнем прибежище человеческой жизни, все было объято покоем и чистотой, и это чувство выжгло все темное и ненужное в его душе и очистило ее».*

Последние страницы повести буквально насыщены пейзажными зарисовками, неоднократно в них возникает образ старых ракет. Они становятся своего рода философским символом границы, разделяющей и в то же время соединяющей всё живущее с ушедшим в небытие: *«Сейчас, подойдя к ракетам с запрокинутыми в одну сторону по ветру голыми и гибкими верхними ветвями, Василий испытывал двоякое состояние: он уже устал и отяжелел от жизни, знал, что стоит на самой передовой линии, разделявшей все на жизнь и смерть, но в то же время, начиная различать певучий, непрерывный посвист ветра в ракетах, он невольно*

подобрался; что-то проглянуло и стало сильнее звучать из самого детства». Образ старых раkit, как некоего философского рубежа между повседневностью и вечностью, раскрывает смысл названия повести.

Не меньшей значимостью и глубиной обладает в произведении образ безжалостного и размашистого ветра как символа бессознательной стихии, тёмных сил, живущих в природе и человеке.

Последние строки произведения звучат патетически. Василий, уйдя от пожара во тьму, слышит в своём сознании голос матери, который сливается с дыханием земли. *«И тогда он, вздрагивая от какого-то невидимого чувства открытия и прозрения, с трудом опустился на землю и услышал, как земля тяжело и жадно дышит, поглощая весеннюю влагу»*. В словах этих — надежда на возрождение героя, ощутившего своё глубинное родство с землёй. Оптимистическое чувство вызывает у читателя глубокое описание стремящихся навстречу весне и жизни старых раkit: *«Мелким торжествующим бисером проснувшихся почек были усыпаны самые тонкие и нежные ветви раkit, и весенняя зелень была там ещё ярче; два-три тёплых дня — и раkitы были готовы бесшумно взорваться зелёным пламенем, выбросить невзрачные бледно-жёлтые серёжки, чтобы ещё (какой же раз под этим небом?) подтвердить незыблемость и радость жизни»*.

Творчество П. Л. Проскурина отличается цельностью, единством мотивов, глубиной содержания. Оно наполнено серьёзными раздумьями о предназначении человека, его ответственности за всё происходящее на земле.

Внутренняя экспрессия и выразительность в сочетании с богатством поэтических ассоциаций, сравнений и уподоблений — вот слагаемые проскуринских образов природы, выдержанных в мягких, пастельных тонах. Они — подобно голубому мартовскому снегу, вспыхивающему в солнечных лучах разнообразными огоньками и причудливыми красками, — навевают воспоминания, будят мысль, тревожат душу. Художник пользуется сочными, но не яркими красками, скупыми, но выразительными характеристиками. Его ландшафту присущ эпический, углублённо философский характер: он как бы подчёркивает, что гармония между человеком и природой стирает противоречия между ними, равно как между скоротечностью индивидуальной жизни и вечностью мироздания. Образы природы Петра Проскурина завораживают своим неисчерпаемым многообразием тонов и полутонов, непрерывными движением

и изменением, а мыслящий человек в ней всего лишь песчинка, гонимая ветром времени и терзаемая сомнениями. Философия природы — это и есть философия жизни, осознанная как частица сущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Проскурин, П. Л. Собрание сочинений : в 5 т. / П. Л. Проскурин — Москва : Современник, 1981–1983.
  - Т. 1. — 1981. — 527 с. — Содерж.: Корни обнажаются в бурю : роман ; Тихий, тихий звон ; Тайга : повести ; Цена хлеба ; Песчаный пляж ; У привычных границ ; Черта ; Под яркими звездами : Северные рассказы.
  - Т. 2. — 1981. — 542 с. — Содерж.: Горькие травы : роман ; Шестая ночь : повесть.
  - Т. 3. — 1982. — 542 с. — Содерж.: Исход : роман ; Мост ; Зелёный шум ; Любовь человеческая ; На окраине ; Снова дома ; В солнечный день ; Ночные мелодии ; Вечерняя заря ; День смятения : рассказы.
  - Т. 4. — 1983. — 752 с. — Содерж.: Судьба : роман.
  - Т. 5. — 1983. — 783 с. — Содерж.: Имя твоё : роман.
2. Проскурин, П. Л. Корни обнажаются в бурю / П. Л. Проскурин — 4-е изд. — Москва : Профиздат, 1977. — 368 с.
3. Проскурин, П. Л. Горькие травы : роман, повести / П. Л. Проскурин. — Москва : Совет. писатель, 1989. — 608 с.
4. Проскурин, П. Л. Избранное / П. Л. Проскурин — Москва : ИТРК, 2004. — 576 с. — (Серия «Российская проза на рубеже XX–XXI вв.»).
5. Проскурин, П. Л. Полуденные сны : повести и рассказ / П. Л. Проскурин. — Москва : Современник, 1985. — 607 с. — (Новинки «Современника»).
6. Проскурин, П. Л. Чёрные птицы : повести / П. Л. Проскурин. — Москва : Совет. писатель, 1983. — 295 с.
7. Проскурин, П. Л. Тайга : повесть / П. Л. Проскурин. — Москва : Современник, 1985. — 61 с.
8. Майданюк, П. Пётр Проскурин и Тверской край / П. Л. Проскурин. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. — 104 с.
9. Майданюк, П. Жанр романа в творчестве П. Проскурина и В. Шукшина / П. Майданюк, П. Ольвовский. — Ташкент : Укитувчи, 1988. — 68 с.
10. Проскуринские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Брянск : ГУП «Брянск. обл. полигр. объединение», 2013. — 32 с.
11. Чалмаев, В. Сотворение судьбы / В. Чалмаев. — Москва : Совет. писатель, 1983. — 288 с.